

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXV • 2022 • № 3

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

Адрес учредителя: 191186,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18, лит. А
Адрес редакции: 191186,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18, лит. А
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.
Выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Редакционная коллегия:

И. В. Кульганек, *главный редактор,
доктор филологических наук (Россия)*
Д. А. Носов, *секретарь, кандидат филологических наук
(Россия)*
М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*
Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*
И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор
РАН (Россия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, про-
фессор (Россия)*
С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*
Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет – М. В. Алексеева

Литературные редакторы и корректоры – Д. А. Носов, И. В. Кульганек

Технический редактор – М. А. Козинцев

Подписано в печать 22.09.2022

Формат 60×90 1/8. Объем 10 печ. л. Заказ №

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,

Адрес типографии: 191040. Санкт-Петербург. Пушкинская ул., 4.

e-mail: editor@isvov.ru

ISSN 2311-5939

DOI 10.25882/2xm5-dr90

12+

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2022

© Коллектив авторов, 2022

В НОМЕРЕ:

ЛИНГВИСТИКА	5
D. Zayabaatar. The loss of the consonant <i>-l-</i> and syllable <i>-la/le-</i> in Mongolian	5
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ТЕКСТОЛОГИЯ	17
А. А. Бердыева. Влияние западных литературно-философских тенденций на современную литературу Республики Корея.....	17
Н. В. Ямпольская. К вопросу о структуре монгольских рукописных Ганджуров XVII века: тома <i>ga</i> и <i>da</i> раздела «Сутры» в списках из Аблай-хита	24
ФОЛЬКЛОР И ЭТНОГРАФИЯ	41
А. Алимаа. Халх монголчуудын хүүхдийн сэвлэг үргээх ёслолын соёлын утга өнөө цагийн байдал	41
Б. Х. Борлыкова, Б. В. Меняев. Калмыцкие песни, посвященные ойратской знати.....	51
Г. Бямбарагчаа. Монгольская игра в бабки на льду	61
СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ	67
Ю. А. Иоаннесян. Гератский предлог <i>ta(y)-ye / tey-ye</i> : фонетическая трансформация или контаминация двух предлогов?.....	67
Н. Е. Васильева. Изучение рукописи «Маджмӯ‘ ат-таварйх» и ее значение для исторической этнографии народов Средней Азии	74
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	84
О. Н. Полянская. Международная научная конференция «Банзаровские чтения», посвященная 200-летию Доржи Банзарова и 90-летию БГПИ — БГУ (Россия, Улан-Удэ, 30-31 марта 2022 г.).....	84
Ц. Ц. Саранцацрал. “Репиний академийн шадар 3” тусгай үзэсгэлэн	89
И. В. Кульганек. Новые книги по монголоведению	92

Ю. А. Иоаннесян

Институт восточных рукописей Российской академии наук

ГЕРАТСКИЙ ПРЕДЛОГ ТА(У)-УЕ / ТЕУ-УЕ: ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИЛИ КОНТАМИНАЦИЯ ДВУХ ПРЕДЛОГОВ?

В статье рассматривается предлог гератского диалекта, полностью совпадающий по семантике и грамматическим функциям с персидским предлогом *tu-ue*, но фонетически более сходным с предлогом *ta(h)-e*. На основе анализа, сопоставления с аналогами в других персидских и иранских диалектах автор приходит к выводу, что с высокой долей вероятности можно предположить, что указанный гератский предлог исторически представляет собой контаминацию *tu-ue* и *ta(h)-e*, чему способствовали фонетическая близость и отчасти перекликающийся круг грамматических значений обоих предлогов. При этом, с синхронной точки зрения, данный предлог в гератском вполне корректно рассматривать как диалектный вариант персидского *tu-ue*.

Ключевые слова: персидская диалектология, иранская диалектология, персидские диалекты Хорасана.

Об авторе: Иоаннесян Юлий Аркадьевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт восточных рукописей РАН (Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18). ORCID 0000-0003-2936-1128 (youli19@gmail.com).

© ИВР РАН, 2022

© Ю. А. Иоаннесян, 2022

В гератском диалекте персидского языка, принадлежащем к диалектам хорасанской группы, широко представлен предлог *ta(y)-ue* / *teu-ue*, который, по-видимому, является местным вариантом *tu-ue*, обычно используемым в современном разговорном персидском языке (но не в афганском персидском — дари). Он выражает весь спектр значений, передаваемых *tu-ue* в персидских диалектах на территории Ирана, однако фонетически звучит гораздо ближе к *ta(h)-e* (образовано от *ta(h)* — «низ, вниз»). Совпадающий с ним по форме и семантике предлог отмечен И. М. Оранским в таджикском говоре группы «кавол» Гиссарской долины Средней Азии, носители которого являются сравнительно недавними переселенцами из Афганистана [Оранский, 1983. С. 24, 28, 163]. Изафетный предлог, образованный от *ta(h)* — «низ, вниз», приводится в форме *taui* в Таджикско-русском диалектном словаре (юго-восточный Таджикистан) А. З. Розенфельд [Розенфельд, 1982. С. 198]. Правда, в го-

ворах указанного региона, как явствует из данного словаря, этот предлог семантически тесно связан с существительными *ta(h)* и *tag* — «низ, вниз» и закономерно означает «под». Значения же фонетически совпавшего или схожего с ним предлога в гератском диалекте персидского и в «кавол» (одно из которых направительное) другие. Оранский не обошел вниманием это обстоятельство в говоре «кавол» и, очевидно, по причине его отличной семантики от слова *ta(h)* — «низ, вниз» справедливо допустил этимологическую связь предлога прежде всего с персидским *tu-ue*. Так, Оранский указывает: «*taui* – предлог с направительным значением. К персидскому *tu, tu-y-i* (?) или *tāh-i* (?)» [Оранский, 1983. С. 163].

В гератском диалекте, исследованию которого на основе собранных нами в Афганистане полевых материалов посвящена серия наших работ, предлог в форме *tu-ue* не отмечен, а весь круг его значений передается посредством *ta(y)-ue* / *teu-ue*. Правда, В. Иванов указывает

на единичный пример употребления *tu* в качестве предлога (без изафета) в языке трактата А. Ансари (*Табакат ас-суфийа*)¹ под сильным влиянием гератского диалекта (сочинение датируется лишь приблизительно — ранним средневековьем): مجرد تو جهان توئى [Ivanow, 1923. P. 363] «одинок ты в этом мире». Иванов видит в сочетании *tu jahân* тот же предлог *tu(-ye)*, широко распространенный в современном полуофициальном персидском языке Ирана и его диалектах. Однако, несмотря на ценность данного примера как такового, едва ли можно по единичному случаю, к тому же, в тексте рукописи, в котором не исключены искажения и ошибки переписчика, делать обобщающий вывод о его употреблении в средневековом гератском диалекте. Не случайно и Ж. Лазар, использовавший этот трактат Ансари в числе источников для своего труда о языке ранних новоперсидских памятников, обходит молчанием данный предлог².

В современном гератском диалекте, как уже отмечалось, предлогу *tu-ye* полностью соответствует предлог, выступающий в форме *ta(y)-ye / tey-ye*, что наглядно иллюстрируется примерами в нижеследующей таблице:

Фразы из гератского диалекта	Примеры из литературного персидского и других персидских диалектов
Ваџе dor ³ raf tey-ye sanduġ — «юноша залез в ящик»	Tu-ye sanduġ ċiz-i nabud ⁴ — «в сундуке ничего не было» [Рубинчик, 1985. Т. 1. С. 405]
Šarap amitô aftâd tey-ye ċâ — «шлеп – упал в колодец»	Tu ċâ oftâd ⁵ — «он упал в яму» [Пейсиков, 1960. С. 88].

¹ См. об этом трактате также [Lazard, 1963. P. 110].

² Этот автор упоминает его лишь раз как принадлежащего исключительно к современному разговорному персидскому [Lazard, 1963. P. 386].

³ Стяжение из *darun* (*darun* > *dorun* > *doru* > *dor*).

⁴ Латинская транскрипция наша.

⁵ Латинская транскрипция наша.

Фразы из гератского диалекта	Примеры из литературного персидского и других персидских диалектов
Ta-ye otâġ-e to mišinom — «я посижу у тебя в комнате»	...Ваџе <i>tu otâġ-e pâin bâše... bisar-o sedâtar-e</i> ⁶ — «если ребенок будет нижней комнате, то будет спокойнее» [Lazard, 1957. P. 248].
Did ke aks-e az i be tey-ye ⁷ ou — «он увидел, что в воде ее отражение»	(биржандский диалект): <i>yak âks-i az surât-e xu tu ow di</i> ⁸ — «она увидела отражение своего лица воде» [Ivanow, 1928. P. 257].
Bâm ⁹ tey-ye xunε — «в доме»	Tu xune — «дома, в доме» [Пейсиков, 1960. С. 90].
Pulâ-r bâm tey-ye kisa xo kardom — «я положил деньги себе в карман»	(мешхедский диалект): <i>gâdâ pulâ-râ gâruf râx tu-yâ kisâš</i> ¹⁰ — «нищий взял монеты, ссыпал себе в карман» [Massé, 1925. P. 95].
I bə sar-e ġar u am bə sar-e ġar, didi yak sang bə tey-ye sar mə bezana inâ — «этот раздражен, тот тоже раздражен, того и гляди, они стукнут меня камнем по голове»	Sar-am dard mikone mese inke ċakoš tuš ¹¹ mizanan — «голова у меня болит, как будто молотком по ней бьют» [Пейсиков, 1960. С. 124].

В высшей степени примечательно, что в отрывке из хорасанской сказки, которая записана

⁶ Транскрипция слегка изменена.

⁷ Как и *tu(-ye)* в персидском, включая его диалекты, который может образовывать составные предлоги (*dâr tu-ye, âz tu-ye*), так и *ta(y)-ye / tey-ye* в гератском может использоваться с *bε / bə* и *az*.

⁸ Транскрипция слегка изменена.

⁹ В гератском диалекте в поставокальной (чаще конечной) и интервокальной позициях может происходить наращение носовых *n* или *m*: *bεm / bəm* — предлог (*bε / bə + m*).

¹⁰ Транскрипция изменена.

¹¹ Стяжение предлога *tu (-ye)* с местоименной энклитикой 3-го лица *-eš*.

нами в гератской версии и существующая также в бирджандийском варианте, опубликованном Ивановым, предлог (be) tey-ye встречается там, где в бирджандийской версии употреблен (dä) tu-yi:

(Гератский): ...did ou az om dur yak du dâna suÿâyi âmad nezdik âmad, did ke yak-ê bačê pâdšâ-ye, yak-ê bačê wazir-ε, inâ bæ aspâ sowâr âmadan be šekâr, bačê pâdšâ âmad awal did ke... öu xord did ke aks-e az i be tey-ye öu... — «она увидела две черные фигуры, идущие издалека, [когда они подошли ближе], она увидела, что один из них был сыном короля, другой — сыном его министра; приехали на охоту верхом, царский сын [сошел с коня] и пошел [к воде], первый увидел... выпил воды и увидел, что ее (красивой девушки) отражение в воде»;

(Биржандский): ...did äz dur de tâ asp säwâr päydâ šu. Inâ kî näzdik bu – hič – amči raf bæ sär-e diraxt amči lisk. I de säwâr kî âmadâ yak puser-ı pâdšâh bu, yak puser-ı wazil-ı xu, biumâdân läw-ı ow. Pâin âmadâ äz asp. Pâin âmadâ läw-ı ow benišâstâ di dâ tu-yi ow yak aks-ı mâ-yi eftidâ...¹ — «...она увидела, что издалека приближаются два всадника. Когда они подошли близко, ну она тотчас же полезла на дерево, потому что была голая. Те всадники, которые прибыли, подошли к воде; один был сыном царя, другой сыном его министра. Они спустились с коней. Они спустились и сели на берегу, увидели в воде отражение луны» [Ivanow, 1928. P. 257, 269].

Теперь рассмотрим ситуацию шире, обратившись к другим иранским диалектам. В диалектах Фарса имеется предлог (в разных говорах): täi, a täi, a ti, который, как отмечают авторы соответствующего раздела капитального многотомного труда «Основы иранского языкознания», выделяется (сравнительно с современным персидским) своим значением направления: budü täi gälä «иди (букв.: беги?) к стаду», häz rüz a ti bâzâre Isfahün a râ mîšo «каждый день ходил (он) на исфаганский базар» [ОИЯ, 1982. С. 358]. При этом, в данном труде упомянутый предлог возводится к классическому персидскому tak, tah «низ, нижняя часть, дно». Однако нельзя не отметить, что в тех же

диалектах отмечается переход ü > i : rîe — соответствует лит. перс. ru-(y)e «на поверхности», sî — соответствует лит. перс. su-(y)e. Соответственно, теоретически можно было бы допустить и аналогичный переход tûe > tie. Tû < tûe «внутри, посреди» также представлен в этих диалектах. И он семантически сильно переключается, если не совпадает с täi, так как также используется в направительном значении и тоже может использоваться совместно с ä, ср.: mä sël ä tû dâftäre bâvâ-m bânom «я посмотрю в тетрадь своего отца» [ОИЯ, 1982. С. 358, 359].

В лурских и бахтиарских диалектах отмечен предлог: tēi (от tē «дно»), ср. там же указанный выше фонетический переход: rîe — соответствует лит. перс. ru-(y)e «на поверхности», mäimîn — соответствует лит. перс. meumîn «обезьяна». Он также используется в направительном значении: mäimîn râht tēi zâne mullâ näsrâddin «обезьяна пошла к жене Муллы Насреддина» [ОИЯ, 1982. С. 309–310]. Несмотря на сложность выведения этого значения из семантики слова «низ; дно», данный предлог и здесь сопоставляется в указанном труде со словом «дно» (соответствует новоперсидскому tah), хотя направительное значение больше соответствует семантическому кругу персидского tu(-ye), ср.: sar-am dard mikone mese inke čakoš tuš mizanan – «голова у меня болит, как будто молотком по ней бьют» [Пейсиков, 1960. с. 124, ср. Lazard, 1957. P. 73].

Неразрывно связан с данной темой и белуджский послелог -tā с той же семантикой — указанием на нахождение внутри, (по) среди и движение вовнутрь с оттенком направительного значения. Он широко представлен в фольклорных текстах на языке белуджей Туркмении, опубликованных И. И. Зарубиным и послуживших основой для грамматического очерка этого языка, написанного С. Н. Соколовым. Приведем ряд примеров использования данного послелога: (нахождение внутри) gisäi-tā ništ² «сидела дома» [Зарубин, 1932. С. 20], če ast šisägai-tā? «ну что в склянке?» (там же); (движение вовнутрь с оттенком направительного значения) gisäi-tā šut «вошел в дом» (там же).

¹ Транскрипция изменена.

² Здесь и далее транскрипция слегка изменена.

Соколов, хоть и с осторожностью и не без доли сомнения, склоняется к мысли о возможной этимологической связи этого послелога с taḥā «дно»¹, видя в послелоге стяжение из последнего, приводя пример, в котором taḥā означает «среди»: rinday taḥā «среди рындов» [Соколов, 1956. С. 78]. Отметим, что если в отдельных случаях значение указанного послелога и может соответствовать семантике обоих персидских предлогов tu-ye и tāh-e, например, когда речь идет о сосуде, в котором «внутри» может одновременно означать и «на дне» (ср.: čē ast šisāgai-tā?, что может быть понято и как «ну что в склянке?», и как «ну что на дне склянки?»), то в других случаях связь между -tā и словом taḥā «дно» (ср.: gisāi-tā šut «вошел в дом») выглядит крайне проблематичной с точки зрения семантики. Укажем также, что значение «среди» характерно и для персидского tu-ye. Так, в речи иранцев можно услышать сочетания: tu(ye) mārdom «среди людей», tu(ye) esfahāni(h)ā «среди исфаханцев» и т.п.

Нам представляется, что ни в одном из рассмотренных выше диалектов соответствующий предлог (в белуджском языке послелог) не может быть *безоговорочно* отнесен или возведен к слову «низ; дно» при игнорировании его семантики, не согласующейся с указанным словом. С другой стороны, выражение направительного значения, как уже отмечалось выше, — одна из главных функций предлога tu(-ye) персидского языка и его диалектов на территории Ирана. Поэтому, сомнения Оранского и осторожность в суждениях Соколова в данном вопросе (см. выше) весьма обоснованы. Это обстоятельство (т. е. невозможность однозначного отнесения предлога к существительному «низ; дно») особенно справедливо в случае с гератским ta(y)-ye / teu-ye, на что указывает как полное функциональное совпадение гератского предлога с tu-ye персидского и его диалектов, включая хорасанские, так и отсутствие tu-ye в гератском, несмотря на то, что он также входит в хорасанскую группу.

Вышеперечисленные обстоятельства свидетельствуют о тесной связи гератского ta(y)-ye/

teu-ye с tu-ye. Фонетический переход tu-ye > ta(y)-ye / teu-ye не представляется невероятным, учитывая отмеченную в данном диалекте частую замену лабиализованных гласных заднего ряда неогубленными гласными переднего ряда после переднеязычных согласных, особенно, d, t, s, š. Однако вполне допустимо также предположить, что предлог этот образовался в результате контаминации tu-ye с ta(h)-e. В гератском h регулярно выпадает, и если это происходит в интервокальной позиции, то на месте h для устранения зияния возникает вставной y. Таким образом, появление форм ta(y)-ye / teu-ye из ta(h)-e для данного диалекта вполне закономерно.

Если гипотеза о контаминации верна, то какие факторы могли поспособствовать этому процессу? На примерах использования предлогов tu(-ye) и tāh-e в современном персидском можно увидеть, что при всей разности передаваемых ими значений, у них есть и точка семантического пересечения или близости. Так, если первый среди прочего означает «внутри, вовнутрь», то второй — «в глубине», ср.: tu-ye bāg «внутри/вовнутрь сада», tāh-e bāg «в глубине/в глубину сада», tu-ye māšin «в машине/вовнутрь машины», tāh-e māšin «в глубине машины/в глубину машины». Показателен в данном отношении фрагмент из двух фраз фольклорного текста на бирджандском диалекте, опубликованного Ивановым (в бирджандском, как и в других хорасанских диалектах Ирана используются как tu-ye, так и ta(h)-e). В рамках короткого отрывка из двух предложений употреблены два эти предлога с одним и тем же словом (ta² čāy = tu-yi čāh)³, в одном контексте и без изменения смысла: ... i gul-e pāmbā bād wer-dāš bur tā ta čāy. Gul-e pāmbā ki bād bebur duxtār beraf tu-yi čāh [Ivanow, 1928. P. 256–257]. Примечательно, что Иванов оба случая (ta čāy и tu-yi čāh) переводит одинаково, придав обоим предлогам направительное значение: «... the wind blew away a piece of cotton-wool, carrying it to the hole. When the wind blew away the piece of cotton-wool, the girl went to the hole» [Ivanow,

¹ Соответствует персидскому tāh.

² Здесь имеет место выпадение изафета: ta(y)-e > ta.

³ Здесь и далее транскрипция несколько изменена.

1928. P. 259. (подчеркнуто нами)] — «... ветер сдул кусок хлопка, унеся его к яме. Когда ветер сдул кусок хлопка, девушка пошла к яме».

Основание для того, чтобы заподозрить возможность контаминации, дает и лингвистический материал диалектов зороастрийцев Центрального Ирана (габри). Так, Иванов, отмечая использование в этих диалектах предлога tu (без изафета) «в, внутри», широко употребительного, по его наблюдениям, в разговорном персидском, приводит и существительное tug, tuk, tûg в значении «дно, на дне, внизу» (bottom, at the bottom, below), но сопоставляет его не с классическим персидским tû(y)¹, а со словом tah [Ivanow, 1939. P. 37].

¹ Существительное tu (tû) «внутренность, внутренняя часть», к которому возводят персидский предлог tu-ye [Horn, 1898–1901. P. 162, ОИЯ II, 1997. С. 417, Рубинчик, 1985. С. 405], во многих словарях представлено в той же словарной статье, что и tu «слой» [ср.: Vullers, 1855. P. 474; Шукуров и др., 1969. С. 381; Фарханг-е фарси-йе Амид и др.]. Их рассмотрение в качестве одной лексемы не случайно и вполне оправдано как семантически, так и фонетически (полное совпадение). Понятия «внутренность» и «слой» логически тесно связаны между собой, что подтверждается другим предлогом с тем же кругом значений: lâ-ye «в, внутри, между», образованным от синонима tu, существительного lâ «слой». Взаимозаменяемость предлогов tu-ye и lâ-ye можно было бы подтвердить множеством примеров, которые ради краткости изложения мы здесь опустим. Слово tu исторически имело и другие фонетические варианты, что также отражено в некоторых словарях: tûy и tûh [Рубинчик, 1985. С. 412; Vullers, 1855. P. 474; Mo'in, 1977–1978. Vol. 1. P. 1158; Логатнаме-йе Деххода]. При этом, Вуллерс указывает в своем словаре, что гласный в данном слове — *маджгульный*: ô [Vullers, 1855. Там же]. В таджикском толковом словаре: *Фарҳанги забони тоҷикӣ*, отражающем язык классический персидской литературы, данная лексема представлена также с *маджгулем*, как он отображается в таджикской кириллической графике [Шукуров и др., 1969. С. 381]. С учетом этой поправки, исходная форма слова должна быть tōh/tōy/tō. Это позволяет сопоставить его с tōf «слой» среднеперсидского языка [MacKenzie, 1971. P. 83]. Возникновение h на месте исторического f отмечается в персидском в некоторых словах в поствокальной позиции: kuh < kōh, ср. среднеперсидское kōf «гора», dahân, ср. среднеперсидское dahân < *dafân- [ОИЯ, 1982. С. 81; MacKenzie, 1971. P. 51]. Существование вариантов tōh/tōy/tō закономерно и имеет аналоги в истории новоперсидского языка, ср.: kōh/kō «гора», gurōh/gurō «группа», farbih/farbi «жир» [Lazard, 1963. P. 171], худāh/худāy «господин» [Lazard, 1963. P. 169].

Проведенный в статье анализ позволяет констатировать следующее. С высокой долей вероятности можно предположить, что из-за контаминации tu-ye и ta(h)-e в гератском диалекте персидского на каком-то этапе его истории возник единый предлог, фонетически более сходный с ta(h)-e, но вобравший в себя всю семантику tu-ye. Этой контаминации способствовали фонетическая близость и отчасти перекликающийся круг грамматических значений обоих предлогов. При этом, с синхронной точки зрения, данный предлог в гератском вполне корректно рассматривать как диалектный вариант персидского tu-ye. Однако, чтобы определить, применима ли подобная гипотеза и к соответствующему предлогу (или послелогу) в других рассмотренных выше иранских диалектах и белуджском языке, необходимы дальнейшие исследования.

Использованная литература

- Зарубин, 1932: Белуджские сказки, собранные И. И. Зарубиным // Труды Института востоковедения Академии наук СССР. IV. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1932.
- Zarubin. Belughskiye skazki, sobrannye I. I. Zarubinyim [The Balutchi tales collected by I. I. Zarubin] // Trudy Instituta vostokovedeniia Akademii nauk SSSR. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1932.
- Логатнаме-йе Деххода <https://www.vajehyab.com/dehkhoda/%D8%AA%D9%88%DB%8C-2>
(дата обращения: 04.05.22)
Loghatname-ye Dehxoda [Dictionary by Dehxoda] <https://www.vajehyab.com/dehkhoda/%D8%AA%D9%88%DB%8C-2>
(accessed: 04.05.2022)
- Оранский, 1983: Оранский И. М. Таджикиязычные этнографические группы Гиссарской долины (Средняя Азия): этнолингвистическое исследование. М.: Наука, 1983.
- Oranskiy I. M. Tadjhikoiazychnye etnograficheskie gruppy Gissarskoi doliny (Sredniaia Aziia): etnolingvisticheskoe issledovanie [Tajiki-speaking ethnographic groups of the Hissar valey (Central Asia): an ethnographic-linguistic study]. Moscow: Nauka, 1983.
- ОИЯ, 1982: Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. Отв. ред. В. С. Расторгуева. М.: Наука, 1982.
- Osnovy iranskogo iazykoznanii. Novoiranskiye iazyki: zapadnaia gruppy, prikaspiyskie iazyki. Novoiranskiye iazyki: zapadnaia gruppy. [The basics of Iranian linguistics. New Iranian languages: the western group, Caspian languages]. Edited by V. S. Rastorgueva. Moscow: Nauka, 1982.
- ОИЯ, 1997: Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: северо-западная группа. II. М.: Восточная литература, 1997.
- Osnovy iranskogo iazykoznanii: Novoiranskiye iazyki: severo-zapadnaia gruppy [The basics of Iranian linguistics. New Iranian languages: the north-western group]. II. Moscow: Vostochnaia literatura, 1997.
- Пейсиков, 1960: Пейсиков Л. С. Тегеранский диалект. М.: Издательство ИМО, 1960.
- Peysikov L. S. Tegeranskiy dialect [The Tehrani dialect]. Moscow: IMO, 1960.
- Розенфельд, 1982: Розенфельд А. З. Таджикско-русский диалектный словарь. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
- Rozenfeld A. Z. Tadjhiksko-Russkii dialektnyi slovar' [A Tajiki-Russian dialectal vocabulary]. Leningrad: Leningrad University Publ., 1982.
- Рубинчик, 1985: Персидско-русский словарь. В 2 томах. Ред. Рубинчик Ю. И. Изд. 3-е, стер. М.: «Русский язык», 1985.
- Persidsko-Russkii slovar' [A Persian-Russian dictionary]. In 2 Volumes. Edited by I. I. Rubinchik. 3rd edition. Moscow: Russkii iazyk, 1985.
- Соколов, 1956: Соколов С. Н. Грамматический очерк языка белуджей Советского Союза // Труды Института языкознания АН СССР. Т. 6. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1956.
- Sokolov S. N. Grammaticheskii ocherk iazyka beludzhei Sovetskogo Soiuz [A Grammar sketch of the language of the Balutchi's of the Soviet Union] // Trudy Instituta iazykoznanii Akademii Nauk SSSR. Vol. 6. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1956.
- Фарханг-е фарси-йе 'Амид <https://www.vajehyab.com/?q=%D8%AA%D9%88%DB%8C>
(дата обращения: 04.05.22)
Farhang-e farsi-ye 'Amid [The Persian dictionary by 'Amid] <https://www.vajehyab.com/?q=%D8%AA%D9%88%DB%8C>
(accessed: 04.05.2022)
- Шукуров и др. 1969: Шукуров М. Ш., Капранов В. А., Хошим Р., Маъсуми Н. А. Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри 10 то ибтидои асри 20). Ҷ. 1. М, 1969.
- Šukurov M. Š., Kapranov V. A., Xošim R., Ma'sumi N. A. Farhangi zaboni tojiki (az asri 10 to ibtidoi asri 20) [A Tajiki language dictionary (10th–20th centuries)]. Vol. 1. Moscow, 1969 (in Tajiki).
- Vullers, 1855: Vullers I. A. Lexicon persico-latinum etymologicum. T. 1. Bonnae ad Rhenum [New York?]: Impensis Adolphi Marci, 1855.
- Horn, 1898–1901: Horn P. Neupersische Schriftsprache. In: Grundriss der iranischen Philologie. Herausgeg von W. Geiger, E. Kuhn. Strassburg, 2 Abt., 1898–1901.
- Ivanow, 1923: Ivanow W. Tabaqat of Ansari in the Old Language of Herat // Journal of the Royal Asiatic Society, 55. Cambridge, 1923. P. 1–34, 337–382.

Ivanow, 1928: Ivanow W. Persian as Spoken in Birjand // *Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal*, N.S. Vol. XXIV. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1928, pp. 235–351 (in English).

Ivanow 1939: Ivanow W. The Gabri Dialect Spoken by the Zoroastrians of Persia. Part IV // *Rivista degli studi orientali*. Vol. 17. Roma: Tipografo della R. Accademia d'Italia, 1939. P. 1–58.

Lazard, 1963: Lazard G. *La Langue des plus anciens monuments de la prose persane*. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1963.

Lazard, 1957: Lazard G. *Grammaire du persan contemporain*. Paris, 1957.

MacKenzie, 1971: MacKenzie D. N. *A Concise Pahlavi Dictionary*. London: Oxford University Press, 1971.

Massé, 1925: Massé H. *Contes en Persan Populaire*. *Journal Asiatique*. Recueil de Memoire et de notice relatifs aux études publié par la Societe Asiatique. T. CCVI, Paris, 1925.

Mo'in, 1977-1978. Mo'in M. *A Persian dictionary*. Vols. 1–6. Tehran: Sepehr printing house, 1977–1978.

THE HERATI PREPOSITION TA(Y)-YE / TEY-YE: PHONETIC TRANSFORMATION OR CONTAMINATION OF TWO PREPOSITIONS?

Youli A. IOANNESYAN

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

This article deals with a preposition in the Herati dialect, which completely coincides in semantics and grammatical functions with the Persian preposition *tu-ye*, but is phonetically more similar to the preposition *ta(h)-e*. Based on the analysis, comparison with analogues in other Persian and Iranian dialects, the author comes to the conclusion that with a high degree of probability it can be assumed that the Herati preposition historically represents a contamination of *tu-ye* and *ta(h)-e*, which was facilitated by phonetic proximity and partly echoing circle of grammatical meanings of both prepositions. At the same time, from a synchronic point of view, this preposition in Herati is quite correct to consider as a dialectal variant of the Persian *tu-ye*.

Key words: Persian dialectology, Iranian dialectology, the Khorasani Persian dialects.

About the author: **Youli A. IOANNESYAN**, Cand. Sc. (Philology), Leading Researcher, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Dvortsovaya Emb., 18, St. Petersburg, 191186, Russia). ORCID 0000-0003-2936-1128 (youli19@gmail.com).